

АНТОЛОГИЯ БЕССМЕРТНЫХ

Том I

Николай Ахметов

Николай Ахметов

Антология Бессмертных.

Том первый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69876922

SelfPub; 2023

Аннотация

Привет! Я передаю тебе в руки первый том антологии рассказов моих приключений. Кто я такой? Узнаешь из этих рассказов, дорогой читатель. Здесь тебя ждут путешествия по невероятному миру (и даже мультивселенной, но попозже), хорек алкоголик, не состоявшийся всадник апокалипсиса и я – их ученик. В этом сборнике ты узнаешь, что творится за пределами твоего мироздания. Дам подсказку: заглянуть в иные миры не сложно, сложно укрыться от взора тех, кто заглядывает в твой. Хе-хе! Ладно не буду нагонять жути! Запасайся печеньками, чаем и коробочкой твинки-бисквит! Наше путешествие по страницам жизни Бессмертных начинается!

Содержание

Пролог	4
Об Учителе	14
Ваши покорные слуги	18
Нидаир	23
Божественный дуплет	31
Подкидыш	51
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Николай Ахметов

Антология Бессмертных.

Том первый

Пролог

Едва заметная нить далеких облаков выделяла линию горизонта, разделяющую так схожие между собою тихую гладь океана и небосвода. Насыщенный бриз резвился в ветвях густого леса, заполняя тишину шелестом листвы. Аромат морской воды и зелени умиротворял все вокруг. Высокий скалистый утес вытягивался из края острова в толщу воды, рассекая волны. Столь чудная картина каждый солнечный день, кои были не редкостью, проявлялась на одиноком острове.

На самом краю этого утеса стояла маленькая крытая беседка, окрашенная в ненавязчивые оттенки голубого и белого цветов. Входом и панорамой она была обращена к океану. Конструкция была проста: прямые рейки поддерживали пирамиду крыши. Между опорами, на уровне пояса, поставили перила, а получившиеся проемы слегка прикрывали короткие шторы из бирюзовой ткани.

У самого входа стояло плетеное кресло, в нем сидела фигура, облаченная во все черное. Фигура словно испускала

вселенскую тьму, мрак, холод и отчаяние. Ее одеяния представляли собой лоскуты самой тьмы, они растворялись в воздухе словно сдуваемые ветром кусочки сгоревшей материи пространства. Все одеяние полыхало пламенем космической пустоты, за исключением ног. На стопах фигуры в бездонную пустоту небес и вод взирали четыре черных глазенка тапочек-зайчиков, а их пушистая шерстка и розовые ушки размеренно покачивались на ветру.

Фигура опиралась головой на руку, и ладонь пропадала во мраке капюшона, скрывающего лицо. Плечи фигуры мерно поднимались и опускались, словно под веянием легкой дремы.

Рядом на траве, почти у самых ног фигуры копошилась точно такая же фигура поменьше, только у нее из-под капюшона были видны сияющие чистым белым светом огромные овальные глазки. Малыш был ростом по пояс фигуре. И у него на ногах были тапочки-мишки, такие же плюшевые и нежные на ощупь, как тапочки-кролики.

Он перебирал восьмигранный разноцветный камень, перемещая грани, пытаясь сопоставить их по цветам, вроде кубика Рубика, только цветов было великое множество, и они никак не могли составить общую картину на гранях фигурки.

– Ми Пато, – малыш поднял взгляд туда, где, по логике, должно находиться лицо сидящей фигуры. – Павума тачи? Чукачи миото нида.

Сидящий убрал руку от лица:

– Не сплю, просто наблюдаю за горизонтом. Уроки, конечно, хорошо, но отдыхать тоже полезно. Для меня уже утомительно вести долгие беседы.

Малыш подобрал свою мантию, поправил капюшон и

уселся поудобнее, буравя всем своим любопытным взором фигуру.

– Ладно, ладно. Помнишь, что я тебе вчера рассказывал про мироздание?

– Нипнип ча. – Малыш сложил пальцы, словно взял щепоть приправы.

– Ну раз немножко – да, думаю, стоит напомнить. – Фигура ловко закинула ногу на ногу и приподняла руку перед собой ладонью вверх, на руке у нее были элегантные черные перчатки, впитывающие своей бездонностью свет солнца. – Смотри внимательно, повторение – мать учения.

Над ладонью фигуры появилась миниатюрная галактика, слегка просвечивающая так, что сквозь нее малыш различал проплывающие облака и синеву неба.

– Галактика спиральная, обыкновенная, одна штука. – Фигура слегка шевелила пальцами, и скопления небесных тел отвечали на это медленным вращением. – Здесь у нас огромное количество звезд, планет, спутников, комет, метеоров и так далее, мне кажется, даже туманность есть.

– Ча, ча! – Малыш активно затыкал пальцем куда-то в проекцию галактики. – Мутаро гамич.

– Нет, не хвост собачий, а конская голова. Неважно. Вселенная невообразимо огромна, думаю, где-нибудь да найдется туманность имени части тела собаки. Итак, пойдем глубже, – проекция галактики сменилась на звездную систему, спустя две секунды – на планету, затем – на камень, молеку-

лы атома, и в конце концов проекция напоминала вывернутый наизнанку калейдоскоп, свернутый в трубку и скрученный в узел, очень такой сложный узел, раз двести закрутили. – Знакомься: Эфир.

Глазки малыша вытянулись пуще прежнего и слегка подрагивали от переливания невиданной ранее субстанции. Малыш резко выпрямился и вопросительно взглянул на рассказчика:

– Пуи... Та чу?

– В смысле, ну и что? Эфир – это мы с тобой. Это камни, трава, люди, ты, я, даже Фицджеральд. Свет и звук, облака и пожар, заклинания и тишина – все есть эфир. Только в преобразованном виде. Сам же эфир в неизменном виде является чистой энергией. Это он говорит камню быть твердым, свету – ярким или тусклым. Он – магия в первозданном виде. Он держит воедино галактики и взрывает звезды. Вся Вселенная – хранилище эфира.

Фигура выжидающе наблюдала за малышом, ожидая, пока его разум осознает полученную информацию и выдаст реакцию.

– Тусо, па ничи чимчим такит?

– Хороший вопрос. А ответ парадоксален: эфир не нужен ни для чего и в то же время он существует для всего и вся. Вот для чего он нужен – даровать хаос таким образом, чтобы жизнь существовала поверх микроскопического хаоса, была носителем этого хаоса, тогда эфир сможет существовать. Мы

носим его, живем в нем и используем его, чтобы он перемещался, не стоял на месте и изменялся, таким образом он в безопасности. Он не станет жертвой самого себя, существует везде и всегда. А если есть он, то есть и все остальное, ибо все – эфир.

Малыш лишь долго смотрел в одну точку где-то между мишками-тапочками. Фигура терпеливо ожидала и наблюдала, казалось, она видит, как шестерни мыслительного процесса, скрипя и содрогаясь, работают на износ внутри маленькой головы. Затем малыш сорвал травинку и внимательно ее осмотрел.

– Да, в ней тоже он есть. Он даже был в моменте, когда ты вознес руку, был иным, когда сорвал ее, был иным в моменте разрыва и изменился, когда ты коснулся ее. И так далее и так далее. Не пытайся осознать все сразу, не по масштабу нашему такие мысли.

Малыш поднял взгляд на фигуру, отбросил травинку и скрестил руки на груди:

– Гупи.

– Устал? Уже? Вчера ты продержался на целых десять минут дольше.

Если бы лицо фигуры не скрывалось во тьме капюшона, там бы сияла многозначительная улыбка.

Малыш встал, отряхнул мантию. Уверенной походкой подошел к фигуре и похлопал ее по коленям.

– Ладно, садись. Расскажу тебе еще один короткий урок,

а потом можем перейти к более интересным и менее скучным историям. – Малыш запрыгнул на ноги фигуры и прилег, устремив взор на океан и готовый слушать. – Как думаешь, что такое время?

– Тумипакат, мойи тумипакат. Сим такич чумини тик-так, тик-так, – малыш двигал указательным пальцем в такт отсчету.

– Во-первых, ты прав, это очень сложно. Во-вторых, это не зарплата кукушки в наших часах. Время – это своего рода... гм... огромный океан с великим множеством подводных течений и ужасным штормом на поверхности. Каждое течение – это иное восприятие времени, открывающееся кому-либо в мироздании. Смотри: когда ты засыпаешь, то ночь пролетает как по щелчку, верно? Верно. А когда, например, мы ждем пирог из духовки, то время тянется долго-долго.

– О, ча-ча!

– Вот, каждый раз твое восприятие впадает в иное течение. Это связано с твоим терпением, с помощью терпения и ума можно управлять собою в этих течениях, но самим течением управлять ты не можешь. Однако, и это не всегда так, все еще зависит и от того, где ты, когда ты и стоишь ли ты на месте, но это уже отдельная наука. А теперь смотри.

Фигура подняла руку, взмахнув кистью, и с конца утеса бесконечной движущейся стеной появилась сетка из планет. Планеты были по большей части похожи друг на друга: везде были зеленые и голубые пятна с ледяными полюсами, иногда

в цепочке вообще не было планеты, иногда был камень вместо всего иного – в общем, великое множество почти-почти похожих планет.

– А это наша Мультивселенная.

– О-о-о!!! – Малыш словно заколдованный наблюдал за постоянным рождением и исчезновением миров.

– Давай-ка добавим деталей. – С этими словами фигура снова взмахнула рукой, и все планеты соединились голубыми, желтыми и зелеными светящимися линиями. – Все эти линии – это движение эфира, времени и пространства.

– Тумипакат! – Малыш недовольно помассировал виски под капюшоном.

– Ничего страшного, сейчас будет все понятно. Наш мир – не только этот мир острова, но и все иные в нашей Вселенной, звезды, скажем, на небе – не единственные, не одинокие. Каждое мгновение рождаются и исчезают многие-многие миры. Если бы меня спросили, сколько всего миров в Мультивселенной, я бы сказал: бесконечность минус два.

– Пуита?

– Потому что всегда существует один мир-константа, я тебе о нем позже расскажу. И всегда существует мир, где сидит исток эфира. Он особый, он в конце и в начале Мультивселенной. Он порождает новые миры и он же уничтожает их, сохраняя свой баланс и баланс живого в этих мирах.

– Ту, а ричи пачик нои?

– А при том, что мы – Странники в этой Мультивселен-

ной, малыш. Нам дана редкая возможность путешествовать в этих мирах и поддерживать прямую связь с эфиром, и на нас же возложена серьезная ответственность – помогать этим мирам, у каждого из нас своя роль, и быть может, в скором времени судьба определит и твое предназначение. Таких как мы – множество, есть те, кто добросовестно исполняет свои обязанности, но и немало тех, кого такая сила совратила, и теперь они оскверняют мироздания один за другим.

– Ха! Ми дуза юто щикащика! – Малыш стукнул кулаком в плечо фигуры.

– Я?! Молочник?! Ты что! Моя работа куда менее спокойная, но не менее интересная!

Об Учителе

Первое слово в сем манускрипте я посвящаю своему наставнику, тому, чья безмерная мудрость вела нас вперед по дороге этих невероятных историй.

Ми Пато – так я его называю и по сей день – имеет один непреклонный принцип: имена – это тайна, доступная только самым близким и доверенным, а посему я позволю себе не называть его напрямую в этом повествовании. Я дам тебе, дорогой Читатель, возможность самому понять, кто он такой на самом деле. Ты знаешь его имя, хоть и не знаешь, что оно принадлежит ему.

Учитель немного старше самой Мультивселенной. Многие знакомые с ним называли его по этой причине Стариком, но уверяю, старость – это не про него. Он любит поребзячиться, навести суеты в обществе, чуток взбунтоваться и совсем малость подколоть. Большую часть времени он молчит, полагая, что слова должны звучать лишь тогда, когда без них не обойтись. В его положении говорить неудобно, а ленив он бесповоротно. Однажды на одном из многочисленных королевских приемов его попросили произнести речь, он вышел к трибуне и кивнул. Многословно, я считаю.

Ми Пато далеко не сразу принял свое место в этом мире. В этих историях я расскажу вам о его пути самопознания, о том, как он стал Учителем, хоть его происхождение и родо-

словная пророчили совершенно иную судьбу. Начну я с тех времен, когда мы с ним только познакомились. В те времена он решил, что хочет быть полезным благодаря своим талантам и репутации, а посему избрал путь обычного курьера-почтальона. Правда, не в масштабах одного города, а в масштабах целого мира и даже нескольких соседних. Хоть мы и пытались доказать ему, что воровать у одних и отдавать другим – это не принцип работы почты, но его логика была неоспорима:

– У одних взял? Взял. Другим доставил? Доставил. Проблемы? Нет проблем. Весь мир – почта, а мы в нем – курьеры.

Только потом мы поняли, что Ми Пато опережал события, он приносил посылки, которые еще и не планировали доставлять. Но! Потом их бы доставили. Он работал на опережение, и из-за этого везде, где были мы, происходила суматоха... Зачем? А черт его знает! Но полагаю, что даже я – одна из таких посылок.

Вообще Ми Пато ладил со всеми: людьми, почти людьми, совсем не людьми и с нелюдьми тоже. Ему было лень спорить о чем-то, что-то доказывать и тому подобное. Он считал так: если его оппонент прав, то зачем спорить, а если прав он, то тут и спорить не о чем. Хотя в большинстве случаев он просто все делал по-своему.

Иногда я думал о мотивах Ми Пато, долго размышлял, пытаюсь постичь его идеи и помыслы, но в конечном итоге я пришел к двум выводам: все, что он делает – он делает от

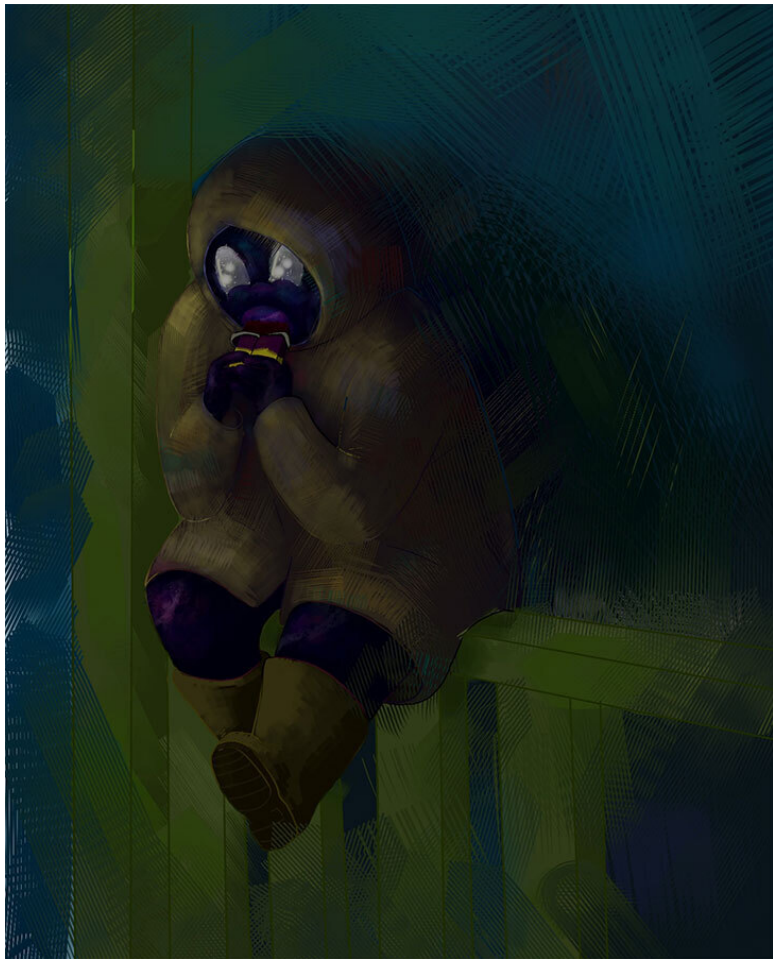
скуки, и все, что он не делает... Слава богам, что он этого не делает!

Ваши покорные слуги

Повествование я буду вести от лица вашего новоиспеченного этого самого, кем когда-то был мой дорогой Учитель, отошедший на пенсию и периодически сующий свой нос в мои рукописи (я провожу независимую экспертизу). Во времена этих приключений я был совсем мал и юн, мой возраст колебался в районе трех миллионов лет (два миллиона шестьсот восемьдесят три тысячи четыреста два годика, кстати, не забудь, у тебя скоро день созидания) (да-да), теперь в силу моей новой должности мой возраст не поддается измерению вовсе. Собственно, с тех пор более ничего не менялось. Мы все так же проводим время все вместе: я, Ми Пато и мой дорогой брат барон Уик фон Фицджеральд IV (или просто Фиц – красавец, гений, мачо, романтик, успешный купец, бард, пишите: город Дииф, Комент-гарден, дом 78). К сожалению, ему ТОЖЕ НЕ ХВАТАЕТ ТАКТА НЕ ЛЕЗТЬ КУДА НЕ ПРОСЯТ! ДА?!

Я долгое время, сам того не зная, шел по стопам моего Учителя. Я окончил школу в аббатстве Гранит под чутким надзором дедули Вильгельма. После перешел учиться в академию Хенсен-Туна и, окончив ее с отличием, отправился постигать тайны магического искусства. Обо всех этих приключениях также будет рассказано в этом собрании.

Насчет моего названного брата (Красавица! Адрес выше!)

я могу лишь сказать, что он невероятно заботливый человек, с чуткой натурой, ранимой душой... ногой... пальцами... а если он продолжит и дальше пачкать пергамент, то ищите его на дне нашего домашнего пруда. (Понял.)

Братец Фиц – полиморф. Он способен принимать облик любого существа, на которого у него хватит знаний, фантазии и энергии.

Навыки Фица множество раз выручали нас в самых сложных передрыгах. Первое, что приходит на ум, – это операция по спасению нас на Зазеркальном Озере. Могущественное и страшное место выворачивало нас с Учителем наизнанку, а так как братец Фицджеральд – исключительно многогранная личность, Озеро буквально заколебалось выворачивать его, отжевало и выплюнуло прочь. Его это, конечно, возмутило, особенно его задела нравоучения касательно его искренней любви к нездоровому образу жизни, однако, остыв, он вызволил нас на свободу. За что ему огромное спасибо. (Да, это был я! Героически выхватил своих товарищей из зубастой ловушки! Они были настолько благодарны, что соизволили угостить своего Мастера не только теплом своей искренней покорности, но и греющей прохладой изысканной настойки! Если бы не Барон Уик фо...)

К сожалению, сейчас наш дорогой друг захворал, и я принял решение отправить его на долгое лечение в прекрасные ледяные земли тетушки Балиавры, моей наставницы и по совместительству дракону с жестким характером. Полагаю, в

ее надежной, зубастой мертвой хватке он скоро оправится от своих недугов. А к данной записи я прикладываю его портрет, нарисованный некогда моей талантливой одноклассницей по Хенсен-Туну. Наш дорогой Фиц, нам тебя не хватает... Иногда.

Нидаир

События, описанные здесь, имеют свое место в одном из ничем не примечательных миров, именуемом Нидаиром. Это славный мир, полный прекрасных видов и существ. Течение эфира в нем не остановлено, а потому магия и волшебство имеют место здесь быть.

Когда-то давно Ми Пато избрал этот мир своим рабочим кабинетом в бесконечном офисе Мультивселенной. Особо он старался не вмешиваться в текучку Нидаира, но порой прикладывал руку к разрешению глупых конфликтов до того, как те разрастались в кровопролитные войны. Многие сведущие в большой политике и высокой магии знали о существовании Учителя и про то, что по ту сторону голубого неба они далеко не одиноки.

Сам Нидаир устроен весьма любопытно. На его полюсах стоит вечная мерзлота, но она отнюдь не безжизненна. Древние расы и виды обитают там, о некоторых будет сказано в этих рассказах, о некоторых не стоит упоминать, ибо не любят этого те, кто избрал вечный покой во льдах. Над мировым океаном, именуемым Водами Белого Ока, возвышаются густонаселенные земли: массивный континент Апполигей и острова Бэссамоон, Хенсен-Тун и ничейные земли.

В связи с развитой внешней политикой было принято решение об основании общего языкового наречия – так упро-

стились торговые, политические и научно-магические отношения между государствами. Здесь руку приложил, по большей части, давний друг и сподвижник нашей братии, настоятель монастыря Гранит святой отец Вильгельм.

Спустя множество столетий войн и распрей наконец-то установился покой на землях этого материка. Могуществен-

ными гигантами на этих землях, пожалуй, можно назвать Тильзитскую Империю, княжество Дииф, Эльфийские народы в Лесах Древних Лун, Восточные гномьи княжества и островитян Бэссамоона. Но также тут нашли свое пристанище государства меньшего масштаба влияния: республика Пар-Леминд, королевство Линебран, аббатство Гранит. Примечательно то, что государства под управлением людского рода испытывают здесь упадок. Почему? Страх, агрессия и недалёковидность сказываются на всех сферах жизни общества. Существа, что живут недолго, – исключительные скупердяи и редко тратят свое драгоценное время на что-то помимо своих эгоистических помыслов и желаний.

Тильзит шел и идет в авангарде научно-магического прогресса, их достижения подняли их военный и духовно-социальный потенциал настолько высоко, что ни одно здравомыслящее государство не решится нападать на них, поэтому Тильзит стал негласной столицей этого мироздания. Правит этой империей древний род полутитанов, полузверей Катарийцев. Эти существа имеют огромный магический потенциал и живут сотни лет. Их шкуру не возьмут ни одно копье и ни один клинок, а кровь устойчива к тысячам видов яда. Однако в истории империи были случаи и успешного покушения на императорскую семью. Покушал император тогда очень плотно и сытно.

Дииф – богатейшая страна всего Нидаира. Поколения алчных и хитрых, однако далеко не глупых правителей раз-

вили торговлю страны по всем фронтам. Они первые официально ввели банковскую систему в стране и в корне избавились от бюрократии на постах управления всех уровней. Контроль практически за всеми крупными сделками на территории Диифа ведет сам князь, а все остальное возложено на плечи магических существ, таких как джинны и божки. Однако особое место там занимают гремлины. Эти маленькие подлые и хитрые создания взяли на себя роль княжеского коллекторского бюро, благодаря чему пользуются особым статусом и положением при Его Величестве. Именно с гремлинами когда-то боролся Учитель. Это случилось в то время, когда он свистнул золотую статую князя Аскольда Старшего, попутно снеся ею же добрую половину позолоченного фасада Коллекторского бюро. Он тогда кричал что-то об ипотечных процентах и о том, куда им всем с ними идти. Но об этом чуть позже.

Эльфийские народы живут обособленно от всех, мало кто знает о том, что там происходит конкретно, а их внешняя политика ограничивается предупреждающими табличками у лесных троп, гласящими что-то вроде: «Проход запрещен», «Беги прочь», «Стрел мало, бьем без выстрела в воздух» и так далее. Однако есть всего одна дорога, соединяющая Дииф и Восточные Княжества. Она была проложена в знак уважения архимага Тильзита, который поспособствовал возвращению однажды украденной реликвии (и Ми Пато здесь также замешан).

Аббатство Гранит – это религиозное дворфское государство. Дворфы – родственная гномам раса на землях Нидаира. Они отличаются от своих сородичей более ярким цветом бороды и чуть выше ростом, живут также примерно от двухсот тридцати до двухсот восьмидесяти лет. Но они предпочитают заниматься торговлей, наукой, искусством и философией вместо рудного ремесла и кузнечного дела.

Республика Пар-Леминд – это сельскохозяйственный центр. Все земли этого края рассечены полями: пшеничными, травяными, цветочными, виноградными, фруктовыми, ягодными. Все, что может расти, растет здесь и продается так же успешно. Но сколь ни было здесь прекрасно, именно на территории этой страны прежде велись самые кровавые и самые жестокие войны, о чем местные не забывают, а чужаки предпочитают не спрашивать.

Королевство Линебран – древнейшее людское государство континента. Собственно, кроме своих тайн и богатой истории ничем более не примечательно, так как местный монарх предпочитает заниматься удовлетворением собственных нужд, и исключительно благодаря талантам и мудрости своих министров и советников его государство до сих пор держится на плаву. Многие полагают, что в скором времени Тильзит решит отнять эти земли, но пока это никому не интересно.

Бэссамоон – кладезь ювелирного и кузнечного искусства в Нидаире. Многочисленные порты не дают заскучать

местному населению, и теперь эта страна – туристический центр всего Нидаира. Именно здесь собрано абсолютное множество проявлений и творений культур всех народностей, стран и даже иных мирозданий, которые когда-либо посещали эти земли.

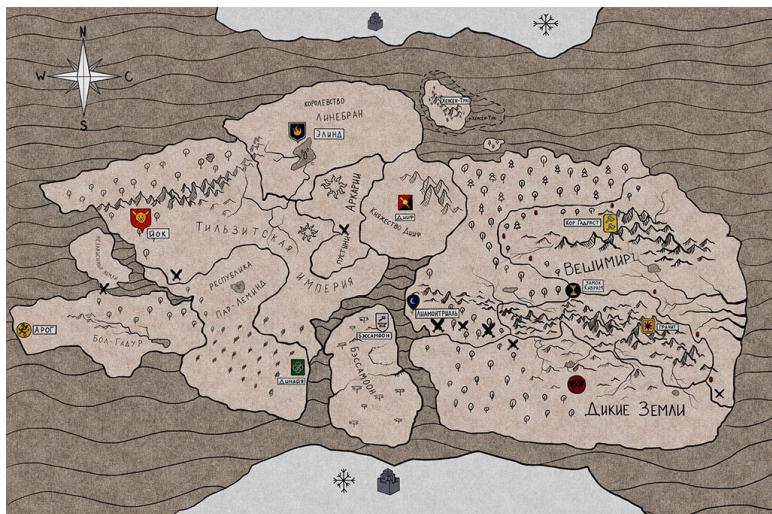
Восточные княжества, увы и ах, исключительно консервативны в своем житейском быте. Гномы и дворфы севера более-менее уживаются друг с другом и с эльфийским народом, ибо во время прошлой крупной ссоры Ми Пато (кто бы сомневался) приложил свою руку и показал незатейливой детворе, что ругаться друг с другом не стоит, ибо придет высокий дядя с ремнем и надает им всем... кхм... по бороде.

Однако южане аркарийцы – далеко не такие сообразительные, но и не такие перспективные ребята. Они ведут кочевой образ жизни, периодически грабят посты гномов и эльфов и через раз призывают своими жертвоприношениями всякую нечистую силу, с которой приходится разбираться уже всем. Аркарийцы – если можно так сказать, заноза в заднице целого мироздания.

Сокрытый остров Хенсен-Туна – сердце магии и величайших чудес ремесла в Нидаире. Это древнейшее обиталище этого мира и колыбель гномьей и дворфской рас. Здесь находится самая сильная и богатая академия магии на всем Нидаире, и именно здесь когда-то обучались я, мой названный брат, дедуля Вильгельм и Ми Пато. Конечно же, в разное время.

Что ж, вот что вкратце представляет собой Нидаир. Его история в сотни раз богаче, чем указано здесь, и, боюсь, гораздо большее остается окутанным тайной времени и магии. Но что было – то прошло, и немногим удастся узреть это живую, но что будет и что есть сейчас – не менее захватывающее зрелище.

Карта Нидаира

Божественный дуплет

Бэссамоон, 273-й год III эпохи Хенсен-Туна.

Бериллиум. Город, стоящий прямо на берегу Голубого залива, на самой северной точке Бэссамоона. На самом деле залив отдавал легкой бирюзой, а местами вода и вовсе была прозрачна, как искусное стекло. Здесь добывали особую руду и жемчуг, которые поставлялись из Бериллиума во все богатейшие дома всех стран Нидаира.

Над городом возвышалась старинная башня, построенная еще в первые эпохи существования города. Она действует и как маяк для торговых судов, и как обсерватория. Кстати говоря, единственная обсерватория, которая способна обозревать границы системы этой планеты. Улицы были вымощены особым булыжником, он изготавливался местными мастерами из прибрежного песка и остаточных пород рудной обработки. Так сказать, небольшая фишка города.

Многие и многие мастерские по обработке жемчуга заполняли торговые площади города, а ювелирные лавки встречали гостей с моря, особые охотничьи талисманы продавали бродяги у выхода из города.

День был на редкость контрастным, множественные обла-

ка то заслоняли солнце, то отступали перед его лучами. Легкий ветер гнал морской воздух по улицам города.

Учитель и Фицджеральд блуждали по окрестным деревням. Ми Пато, как обычно, стащил никому не нужный хлам стоимостью в тридцать семь серебряных монет и старался найти его получателя. Все, что он знал о нем, так это то, что посылка предназначалась маленькому чертенку, который жил где-то недалеко от города. А таких здесь было пруд пруди!

Наши горе-курьеры уже отошли от Бериллиума на десятков километров, всюду расстилались дивные пшеничные и кукурузные поля, стояли пасеки пчеловодов и одинокие хижины ремесленников. Как раз к такой хижине они и подошли.

Фицджеральд, принявший свой излюбленный облик хорька, стряхнул с шерстки пыль, подобрал захудалый цветочек и заложил его себе за ухо.

– Ты чего это, друг мой? – Ми Пато кивнул на цветок: – Тогда бы уж лучше букет собрал по дороге.

– Букет, Старик, пригоден наутро после сытного завтрака, а это, – он щелкнул пальцем по цветочку, – аперитив к изумительному ужину.

Учитель постучал в массивную дубовую дверь. Честно говоря, глядя на такую добротную избу, язык не поворачивался сказать, что тут нет хозяина, который и дом поддержит, и поле обслужит, и Фицу шкуру надерет.

Не успел хорек натянуть свою обворожительную улыбку, как резко открытая дверь отправила его в компостную яму, «благоухающую» в дюжине метров от дома.

На улицу с диким ревом раздраженного быка вырвался, собственно говоря, хозяин дома.

Это был широкий, мускулистый мужчина. Весь его внешний вид говорил о жесткой и воинственной натуре, волосы на голове были растрепаны, лицо полно морщин. Рукава рубахи были засучены, и на руках были видны большие глубокие шрамы от порезов мечей и чего потяжелее. Больше всего выделялись его глаза. Казалось, на гостей смотрит кровожадный волк, готовый затравить эту жертву при первой же возможности. Золотой отблеск глаз слегка освещал его лицо, словно ореолом.

– ОТВАЛИТЕ!

– И вам доброго дня, уважаемый господин! – Учитель протянул руку в знак приветствия. – Я – курьер. Подскажите, пожалуйста, если это, конечно, ни в коем случае, я надеюсь, вас, возможно...

– ПОШЕЛ ВОН! – Хозяин схватил Ми Пато за протянутую руку и швырнул его вслед за Фицджеральдом.

Через несколько минут, вынырнув на сушу, господа доставщики снова стояли у дубовой двери.

– Мне кажется, мы ему мешаем.

– Я думаю, нам надо быть настойчивее.

Ми Пато снова постучался. На этот раз он постучался так,

что с избы свалился многолетний слой пыли, пара пустых гнезд и оконная створка. Вzbешенный хозяин вылетел из дома с кувалдой наперевес, но тут же был связан магическими оковами.

– И снова здравствуйте! – Ми Пато откинул кувалду в сторону, словно палочку. – У нас к вам есть всего один во... Гектор?

Дергающийся мужчина вдруг замер и с прищуром пригляделся к Учителю.

– Мы знакомы?

– Сражение за Перепелиную гору, ты тогда меня в самое сердце Аркарийской орды зашвырнул.

– А! Ты тот психованный колдун! Вспомнил... Да... Чего надо?

Фицджеральд скинул с Гектора оковы, а Ми Пато помог ему встать.

– Я ищу беса, низкого ранга, у меня для него посылка. – Учитель потряс маленькой коробкой. – Не знаешь, живет ли здесь такой поблизости?

– Я здесь уже много лет, Колдун, и могу сказать, что нечисти тут хватает по уши. Бесы, черти, духи, лесовики, полевки.

– Полевки? Грызуны типа? – Фиц наострил уши.

– Гадкие создания, хуже дьявольщины. Жрут все и вся. В общем, я могу отвести вас в одну халупу. Там раньше жил дед-пивовар, но сейчас он перебрался в город и все забро-

сил. Там один чертик обитает. Может, твой. На вид такой...
Более-менее разумный. Но взамен – услуга за услугу.

– Фиц все оформит, веди.

– Э! А моральная компенсация за компостные ванны?

– У меня медовуха есть, мягкая, как родниковый ключ.

– Дружище, ради тебя хоть на край света!

Солнце приближалось к горизонту. Гектор вел их через тропу в кукурузном поле, рассказывал что-то про троллей, огров и луковицы и, собственно, сами эти луковицы и умирал.

Когда наступили сумерки, они вышли к старой, полуразвалившейся хижине. Фицджеральд все тщательно обнюхал, облазил и ощупал.

– Пива нет! Меда нет! Значит, некий черт тут точно был и ни черта нам не оставил!

Ми Пато внимательно рассматривал обломки старых стеллажей, доставал записи и время от времени откидывал бревна куда подальше.

– Ваш бес днем тут отсыпается, когда с местным божком не ругается. Тот любит ему то дождь нагнать, то засуху. Вон как всю хижину разворотил, ирод.

– А вечером и ночью он где?

– А черт его знает... Где-то рядом. Будем ждать.

– Не-е-е... – Фицджеральд заулыбался во весь рот. – Мы будем его звать!

Фицджеральд начертил на полу небольшую пентаграмму,

вытащил из-под завалов пару свечей, старое осиное гнездо и притащил с улицы дно глиняного кувшина.

– Берем пару тушек насекомых, местные травинки, зажигаем свечи, пару литров дождевой воды... Старик, натумбаюмбь сюда воды... Спасибо... Так... Смешиваем песчинки, мелем, заливаем... Охапка дров и плов почти готов... И ка-а-апелька эфира с частичкой сущности полиморфа... – бульк.

Развалины озарились ярчайшим белым светом, и наступила оглушающая тишина.

Гектор смотрел на раздувающийся эфирный шар, но не успел констатировать очевидный факт. Мощный взрыв разнес и без того пострадавшее здание и впечатал Ми Пато с Гектором в пол. Нахимичивший Фицджеральд, находившийся непосредственно у эпицентра своей ядреной смеси, осознал всю глупость своей ошибки где-то примерно в сотне метров от поверхности земли. Его сверхпрочное, но при этом сверхлегкое тело испытывало на себе ускорение свободного падения, не выражая на мордочке никаких эмоций.

На том месте, где находилась злосчастная пентаграмма, воссиял юноша в воздушном балахоне. Он был бледен и будто бы просвечивался насквозь. Юноша открыл глаза и обратился к лежащим у своих ног Учителю и Гектору.

– Как смее вы отвлекать меня, чернокнижники, от дел божественных? Кто вы? И что вам надобно?

Ослепительный белый свет озарял все вокруг. Гектор шу-

рился и прикрывал руками глаза, ругаясь на все и вся. Фицджеральд выполз из-под обломков и ошалевшим взглядом смотрел то на пентаграмму, то на божество.

– Скажи мне, смертный отрок, как смел ты потревожить мой покой? Как смеешь ты оставлять мои вопросы без ответа? Кар-р-а! Кхе-кхе... Кхе-кхе! Ой...

Ореол загадочности погас, юноша рухнул на землю и с виноватой улыбкой обратился к компании.

– Чертова простуда... Хе-хе?

Гектор хотел было взорваться от ярости, но резко сдержался, все-таки общее недоумение от ситуации взяло верх над инстинктами.

– Ага, простывший божок. Спасибо, Фиц. – Ми Пато поправил цилиндр и стал рыскать по карманам. – Блин, трубку выронил.

– Так зачем вы меня звали? Вы желаете истратить свои последние мгновения брэнного существования? – Голос божества стал возрастать, словно раскаты грома. – Или хотите полить ваши посевы всего за девяносто девять серебряных? – Голос снова рухнул.

– Так, ну вообще-то я предпочитаю тратить свои мгновения на закаты или, скажем, на пчелок. Ты видел пчел, зависших в воздухе? Они крыльями так хлоооп... хлоооп... хлоооп. Завораживает! – Учитель, продолжая разглядывать пол под развалинами, делал характерный жест кистью.

– Э-э-э... Пчелы?

– Короче, – Фиц выполз из-под кухонного буфета, – мы – курьеры. Мы ищем беса местного, вроде как ты с ним как-то связан, потому что печать вместо беса притащила тебя.

– А-а-а... Беса? Хм... А-а-а! Этого что ли?

Божество вытащило серьгу из уха, изъяло из него маленький гранат и зашвырнуло его в ближайшую свечку.

Камушек попал аккуратно под пламя, пару секунд нагревался и смачно лопнул.

Внутри драгоценности оказался демон низшей касты. Это был очень круглый, очень дурно пахнущий и очень недовольный чертик. Рога его были обломаны, руки и ноги связаны цепями от заклинания. Морда отдаленно напоминала человеческое лицо, только была излишне злой, неприятной и круглой.

– Пустите меня, ироды! Задница горит! ААА! Дайте мне его! Где Вирах? Я ему эту свечу ректально инкрустирую!

Гектор прижал беса к полу сапогом и внимательно его осмотрел.

– ААА! Караул! Убивают! – Демон начал визжать еще громче, а Вирах лишь презрительно скривил свой божественный лик и продолжил набивать священное вместилище провианта сухарями, которые эстетичным движением отобрал у Фицджеральда. – Помогите!

– Замолчи, никто тебя тут не обидит. – Гектор убрал ногу и резким движением поднял массивную тушу беса на ноги, пол под демоном слегка продавился.

Ми Пато внимательно осмотрел беса, взглянул на посылку, потом опять на беса и снова на посылку.

– Вам доставка! – Он протянул бесу посылку на вытянутых руках.

– Че?

– Кхе... Что?

– Чего?

– Сухари отдай, ворюга.

– погоди, колдун. То есть ты реально искал беса, чтобы вручить ему гребаную посылку?

– Че? – Бес стоял, смотрел и ковырял хвостом в носу.

– Ну... Да! Я же так и сказал: ищу беса, у меня для него посылка. Доставка корреспонденции и всего такого.

– Это бес! Колдун, бесы не получают посылки.

– А этот получит! Это его посылка! На ней написано... Как тебя зовут?

– Именуюсь я Ровалондом Устрашителем, Ваше Начальничество! Я демон седьмого порядка, бывший гвардеец тридцать четвертого разведывательного полка армии Темной Конфедерации!

– Будешь Вовой... Вот смотри! Вове!

– Он Ровалонд!

– Ну пусть Рова... Сгодится?

– Да-да-да! Дай-ка взглянуть! – Бес попытался разорвать оковы божества, но у него не вышло.

Вирах вскочил как по команде и, испуская фонтаны кро-

шек, принялся яростно вопить на всех:

– Эфо мервопакофтное ифчашие вешило офквевнить меня своей гашофью! Кхе-кхе... Навлечь на меня все беды того проклятого места, откуда явилось!

– Бла-бла-бла! Заливай, пискун! Единственное место, которое я решил осквернить своими кулаками, ты уже иссушил сухарями! Не вякай и дай взрослым поговорить! – Бес вывернул хвост из-под цепей и со свистом врезал им по ляжке Вираху, отчего тот завыл и с поистине божественным актерским мастерством пал на пол.

Фицджеральд забрался на висящие остатки перекладин хижины и удобно расположился, не забыв умыкнуть мешочек лакомства.

– Чес-слово, начальник, я только слегка ему намну, и все. Кончать его не собираюсь. – Бес склонил голову и невинно провел копытом по полу хижины. – Чуток слева дам, чуток по тылке надаю – так, исключительно в профилактических целях.

Гектор скрестил руки и глубоко вздохнул.

Вирах же, поняв, что до него никому дела нет, растер место ушиба и, гордо вскинув голову, уставился на Учителя.

– На! Твое!

Бес легким движением круглой талии намекнул на связанные руки.

– А, точно... – Учитель долю секунды концентрировался и щелкнул пальцами, оковы на Ровалонде испарились. –

Вручаю!

Бес недоверчиво принял посылку в руки, встряхнул чуток, но тут же получил палкой по голове от Фица, его ткнули носом в надпись «НЕ ТРЯСИ!».

Ровалонд фыркнул, сверкнул когтем и распаковал посылку.

Внутри оказались пара стеклянных шаров с той самой хижиной, в которой они сейчас находились, и прогноз погоды на целый год вперед.

– Ну и чего это такое? – Ровалонд встряхнул один из шариков. – Типа... Мой дом, да... Прогноз, да... А на кой черт оно мне надо?

– Это проекторы. – Учитель взял один из шаров. – Присмотришься и увидишь там нас.

– Я вижу только себя, этого чуждырлу и громилу.

– Логично, что меня ты там не видишь. Один предназначен тебе, а второй для того, с кем ты поделишь это жилище. Напрягай память, а лучше разуй глаза, Ровалонд. Твой сожитель сейчас находится здесь.

Окуляры Учителя озаарились жутким сине-зеленым сиянием. Ровалонд немного занервничал, он чувствовал странную природу Ми Пато и не мог понять, что она хочет от бедного старого беса.

– Я тебе подскажу, бес. – Учитель щелкнул пальцами, и вся братия оказалась посреди маленькой деревушки недалеко от Бериллиума. – Это проекция деревни пасечников. Мы

все еще в доме. Это то, что будет, если эти шары вернутся отправителю.

Гектор повернул голову и увидел горнило кузнеца, где молодая девушка елозила длинной металлической трубой, она достала ее, и на конце трубы стало видно большую каплю необработанного стекла.

– Я чуток запрыгнул дальше, давай пару дней назад. – Учитель снова щелкнул пальцами. – Это ведь ты?

На крылечке одного из домов сидели маленькая девочка и пожилой дедушка, который помогал ей связать соломенную куклу.

– Вот... а пуговицы пришьем вместо глазок, возьми синий цвет, они яркие.

– Не хочу синий! Деда Скупердйяй, давай белые!

– Белые просто так не отдам, они монет стоят!

– Ну, деда Скупердйяй! Ну давай белые!

– Тогда взамен ты сейчас помогаешь своему брату в хлеву.

– Ммм...

– Или вообще разными их сделаю.

– Ладно... только белые пришей.

Бес косо посмотрел на Учителя. Он нервно перебирал в руках шарик и прогноз погоды.

– К чему все это, сэр?

– А теперь мотнем снова вперед. – Учитель щелкнул пальцами. – Всего на пару месяцев вперед.

Деревня лежала в руинах. Вокруг завывал дикий ветер,

били гром и молнии. Каждая хижина горела. Гектор в ужасе кинулся к кузнице, но врезался в невидимую стену и опустился на пол.

– Это то, что будет в скором времени, бес. Это только начало плохих и проблемных для меня событий, которые я бы хотел избежать. А вот то, что в твоих руках – это доказательство обратного.

Из хижины, на пороге которой сидели дед и девочка, раздался дикий крик.

– Остановись...

Учитель щелкнул пальцами, и все вернулись в хижину.

– У меня не хватит сил разнести целую деревню, чародей. Это не моих рук дело.

– Верно, не твоих, – Учитель тыкнул пальцем в божество, – его.

Вирах аж поперхнулся, когда на него тыкнули. Он хотел было слинять, таинственно испарившись, но Гектор крепко ухватил его за ногу и перевернул.

– Этот-то? Да брось, колдун.

– Вообще-то перед тобой Вирах, брат Селестия, Восточного Ветра. Да, разница между ними внушительная, но они оба управляют погодой.

– Ух ты! Бог погоды, значит. То есть он нагонит шторм и бурю на ту деревню? Зачем? – Он потряс Вираху вниз головой: – Отвечай, божок!

– Я не знаю! Они мои хорошие клиенты! Я никогда бы им

не навредил. Честно! Ай! Честно-честно!

– Я знаю, что вы не в ладах, оба. Знаю также, что вы оба вскоре перейдете от безобидных запугиваний к реальным боям, и тогда именно смертные пострадают от ваших рук.

– И ты типа прорицатель, чародей? Пришел, навел суеты и сразу во всем разобрался?

– А чего тут разбираться, – Учитель указал пальцем на демона, – ты – бес, но безобидный, сразу видно, иначе бы давно уже начал зачитывать различные отрывки из мануалов, чтоб скинуть оковы, вместо того чтобы вступать в диалог. А ты, – он перевел палец на божество, – давно знаком с этим бесом и изрядно вымотал ему нервы. И даже не думай разглагольствовать здесь, твои напыщенные речи мне уже надоели.

Вирах моментально захлопнул рот, а бес ехидно усмехнулся.

– Нам нужен мир, Ровалонд. Рассказывай, как все началось.

– А чего тут говорить? Все как на духу, значит. Сижу на пенсии, никого не трогаю, места тут тихие, дивные. Ку-ча баров, таверн и девиц, хе. И вот лет пять назад явилось оно! Услада мушиная! Сначала тихо себя вел. Маленький алтарь поставил, люди к нему ходили, девочки опять же. Я и не возникал. А чего? Тут немного тихо было, иногда скучно, а тут паломники забегали, и веселее стало. А потом он храм отгрохал, да еще какой! Два этажа! Все из мрамора! И еще, падла такая, колокол поставил! Свистульки ветряные!

Такой звон везде стоит фальшивый, начальник, ты бы знал. Я к нему пришел, говорю, мол, давай по-мирному, друг! Убери, спать невозможно. А он меня послал туда, куда поросята ходят после обеда. Паршивец!

Вирах вскочил и завизжал, словно божественный глас его превозмог барьеры брэнной скорости звука:

– Ложь и клевета! Я требую немедленно изничтожить это отребье! Дабы прекратить поливать мое величественное имя помо...

– Шшш... – Ми Пато приложил палец к своим губам, и окуляры маски засияли, а благородный бог охватил дланями благословенными свое горло белое и в немоте зашевелил губами, неспособный разглагольствовать во имя свое.

– Слышь, хы, начальник, я это... Тут подумал, – демон хитро подмигнул Учителю, – если этой штуковине научишь, то мы тихо-мирно разойдемся, без побоев.

Ми Пато пронзил взглядом Ровалонда, а тот съежился и притих.

– Я слушаю, продолжай.

Бес громко сглотнул и продолжил:

– Так вот. Он после этого еще и сам петь начал. А со вчерашнего дня вообще не умолкал, да еще и глянь на мой дом! А подвал с бочонками?! Затопил, представляешь, начальник! Тут мои нервы и сдали.

Учитель смотрел то на Ровалонда, то на Вираху. Он думал долго, но никто ему не мешал. Приняв решение, Ми Пато

вынес вердикт.

– Ты, Вирах, демонтируешь часть сооружения, а именно то, что указал в качестве раздражителей Ровалонд. Все музыкальные приборы. А затем нормализуешь микроклиматические условия здесь, в его жилище. А ты, Ровалонд, постарайся это время перетерпеть и не зашиби его, а то нам придется применить некоторые санкции. – После этих слов Гектор громко хрустнул пальцами. Учитель продолжил:

– И еще, Вирах, ты тут погоду мутишь по всему району, жители толпами жалобы шлют в столицу, давай прекращай и наводи порядок. Иначе нам придется передать твои обязанности матушке-природе. – После этих слов костяшками уже хрустнул Фицджеральд. – Когда торгуешь погодой, торгуй в пользу посевов, а не засухи. Дождик там подкинь или, наоборот, чуток присуши почву. Но не уничтожай урожай.

Ровалонд молча смотрел на шарик, а Вирах, рассерженный таким пренебрежением к его персоне, хотел было вспыхнуть злостью.

– Слышь, божок, – Ровалонд подал шар в руки Вираху, – бери и шар, и прогноз погоды. Я знаю, что ты еще тот меркантильный гаденыш, но у меня есть идея и предложение для пакта перемирия.

Вирах задумался, но принял шар.

– И вообще, у вас же может быть организован неплохой союз. Ну или разъезжайтесь, ваше соседство – крайность, которая ведет к одной из этих крайностей. В общем, это сами

думайте. Но вы должны оба постараться для жития в мире.

Демон согласно закивал. Вирах вскинул голову и открыл было рот, чтобы оспорить, но гвоздь Фицджеральда, поднесенный к его глазу, тут же разрешил все неурядицы, и божество согласилось.

* * *

Повозка шла медленно. Лошадь Гектора наслаждалась утренним теплом рассвета и свежестью росы. Учитель, сидя в телеге, начищал плащ, накинув цилиндр набекрень, а Гектор придерживал вожжи. С самого рассвета Гектор расспрашивал Учителя о нем и Фицджеральде, так, чтобы убить время. После очередного типичного ответа Ми Пато наступила неловкая тишина.

Гектор тяжело вздохнул и нахмурил брови, он некоторое время размышлял, теребя вожжи в руках.

– То есть тебя не обижает, когда тебя называют чародеем, колдуном, вестником, гадом, иродом и так далее? Тебе вообще плевать на то, как тебя зовут?

– Именно, я скорее напрягусь и занервничаю, если кто-то угадает мое имя и начнет им активно пользоваться.

– А насчет вашего образа жизни? Вы вроде помогаете и спасаете, однако при всем этом нарушаете законы миров, в которые вы вмешиваетесь с благой, как ты говоришь, целью.

– Если ты про мои методы с применением изъятия неко-

торых стратегических объектов политических держав, то тут поспорю. Государственное законодательство – да, я нарушаю, однако морально-этические нормы соблюдаю.

– И где же мораль в воровстве?

– Смотри глубже, мой друг. – Учитель вытянул руку и начал складывать пальцы, отсчитывая факты: – Во-первых, я, воплощая свои планы публично, мотивирую державы объединиться против общей угрозы – меня. При этом, учитывая их стремление завладеть преимуществом над оппонентом, располагаю краденое в различных точках на карте. Во-вторых, я – аккуратно, конечно, – вмешиваюсь во внутригосударственные дискуссии по поводу ведения действий военной кампании и операций по спасению национального достояния. Как тогда в Диифе, когда пришлось тот памятник Барона тырить. Тяжелый, зараза, он на меня трижды падал.

– Он же девять метров высотой!

– А я почти целых два метра! И что? Не раздавил же. Так вот, тогда мне пришлось напрямую сообщить Барону, чтобы он ограничил свою агрессию в сторону, на тот момент еще обособленного, некоего западного государства. И это сработало! А статую я вернул.

– Далеко не идеальная стратегия.

Ми Пато перелез к Гектору.

– Согласен, однако действенная, и нормы морали рано или поздно возвращаются к своим хозяевам.

Учитель достал бутыль из телеги и передал Гектору. Тот,

не мешкая, выдернул пробку зубами и приложился.

Около получаса они ехали молча мимо лугов и полей, мимо маленьких рощиц. На полях трудились крестьяне, на лугах – пастухи, а в рощах – все, кому было лень. Однако мир жил, и все шло своим чередом. Учитель внимательно рассматривал все, что было вокруг. Гектор же, вздыхая и отпивая из бутылки, вел лошадь.

Дорога всегда прочищает голову и как-то своеобразно направляет мысли, словно по собственной инерции.

– Почему ты выбрал вместо теплой уютной таверны дорогу?

Ми Пато крутил в руках палочку, погружаясь в раздумья.

– Тут думать легче. Знал я одного Хронолога, ни черта не умел, но со временем управлялся, как ты и Фиц, с бутылкой. И он решил интереса ради пробежаться туда-сюда от начала до конца времен. Когда вернулся, не говорил ни слова, а только улыбался и периодически посмеивался. Его точно можно назвать Знающим, тем, кто смог бы спокойно разрулить все проблемы мира. Но его характер этого не позволит. Все, кто приходил к нему с вопросами, всегда получали один и тот же ответ.

Учитель замолчал и погрузился в глубокие раздумья. Гектор некоторое время не отвлекал его, однако скука и любопытство взяли свое.

– И какой же?

– Я у него ничего не спрашивал. Я не знаю.

Подкидыш

«В общем и целом, демон и божество подружились. Ровалонд переехал к Вираху, и они вместе принимали паломников. Шарик, кстати, тоже изменился, теперь там виднеется их храм. Мы как-нибудь заглянем к ним еще, поздороваться. На самом деле наставникам чертовски повезло, что Ровалонд – старый, но безобидный, он скорее уставший и ворчливый, чем жестокий и кровожадный. Насколько я знаю, бес решил заняться как раз-таки производством шаров-проекторов. Дела пошли в гору, и деревня пасечников стала маленьким торговым постом, который процветает и по сей день.

Что ж... Мои пенсионеры с Гектором еще некоторое время были вместе, и угадайте, кого они встретили на своем пути? Правильно... С восходом солнца они отправились по рабочим вопросам в местечко недалеко от Бериллиума. Стояла чудеснейшая погода...»

– Отвратная погода. – Бас Фицджеральда раздался прямо из-под скамьи возницы.

Солнце так и жарило. На небе не было ни облачка, и ни одно дуновение не тронуло листья вдоль тракта.

Вся троица направлялась в сторону деревни, где творят лучшие сладости. Там, по словам Гектора, есть работенка, которая принесет золотишко и ему, и его гостям, а заодно

они рассчитаются за помощь с бесом.

Деревушка стояла на холме. Ее расположение идеально учитывало розу ветров региона, чтобы дым и прочие запахи выветривались и не оседали где попало. Ветер уносил их на каменистые горные массивы, которые спустя столько лет карамельные осадки покрыли толстым слоем горелых сладостей.

Сама деревня выглядела очень мило. Дома были исполнены из дорогого дерева, со специфичной стилистикой под пряничные домики. Вдоль улицы располагались палисадники и маленькие ларечки со своими наборами сладостей. На западных склонах стояли кондитерские мастерские, в которых и готовили знаменитые сладости. Правда, часть из них была охвачена пожаром, и кто-то пищал оттуда о свободе и равенстве шоколадной цивилизации.

Повозка, заходя на территорию деревни, проехала под цветочной аркой. Путники оставили свои пожитки в местной таверне и направились к администрации, где их по стандартной процедуре проверили, сверили со всеми реестрами, выдали справки, разрешения и прочее. Всего через три дня они вышли оттуда, но, как оказалось, забыли получить сертификаты для Гектора и отправились туда еще на два дня.

– Отвратный городишко. – Фиц снова пробасил, на этот раз растекаясь по прохладной плитке, которой была вымощена улица. Ми Пато решил остановиться у местной антикварной лавки, чтобы прикупить себе новую трубку в обмен

утерянной.

Прозвенел колокольчик, и только Ми Пато хотел поздороваться, как ему прилетело по голове здоровенной шваброй, всучили в руки трубку, отобрали ровно две серебряных и одну медную монету, пожелали всего наилучшего и выпихнули прочь.

Шокированный расторопностью обслуживающего персонала, Учитель решил прогуляться в поисках работы. Они чуток пошутукались с Фицджеральдом в темном уголке местной булочной и, достигнув консенсуса, буквально растворились в темном облаке. Местные жители далеко не рады всяким насекомым, тем более мухам, в целый рой которых превратился Фиц, а посему, замазав многочисленные побои, они решили действовать по старинке – обратиться в гильдию по найму.

...Одну неделю спустя...

Наконец, точно закончив всю волокиту с бумагами, несчастная парочка вытекла из здания местной гильдии.

Учителю выдали заказ из местного детского приюта. Периодически там замечают странный темный силуэт, который то появляется, то исчезает. Руководитель сего заведения списывает все на блуждающего духа и просит специалиста в этом разобраться.

Ребята подобрали Гектора на тротуаре перед зданием коммерческого цеха медовых сладостей. Он был практически без сознания, обезвожен, оголодавший, обросший и из-

рядно потрепанный, но он лежал, улыбался и победоносно размахивал договором на покупку его партии меда, на котором не хватало всего одной подписи, но Фиц ловким движением поставил туда непонятную закорючку, и вроде как все встало на свои места.

До самого приюта они не промолвили ни слова. По времени, близкому к полудню, на пути телеги встали высокие кованые ворота в четырехметровых кирпичных стенах. Над воротами возвышалась арка с надписью на лакированном дереве: «Дом детей имени Б. У. М. Луанаротти».

Гектор даже прищурился, пытаясь уразуметь написанное имя. А Ми Пато подошел к воротам и постучал по ним.

– Ты же в курсе, что они спросят наши имена и род занятий, когда мы войдем? – Учитель поправил цилиндр и подтянул перчатки. – Я думаю, ты не будешь говорить о том, что ты м-м-м... Фермер с бурным прошлым?

– Я теперь пасечник, а значит, вместо побоищ я занимаюсь пчелами, медом и мелкой торговлей. Вполне достойно и не вызовет подозрений. – Гектор хоть и говорил умиротворяющим тоном, однако не был способен скрыть некоторую нервозность. – Но дети есть дети, Вестник, будь начеку, они опасны и коварны.

– Да как же, ага. Милые ребятишки, кстати, неглупые тоже попадают.

– Я предупредил.

По воротам прошла голубоватая волна, и они отворились.

А Гектор недовольно промолвил:

– И тут зачаровали. Даже чугуном нынче не брезгают, а раньше и серебро под чары не клали. Вот времена, вот нравы.

– А, пустое, друг мой. Чугун, сталь, железо, золото или еще чего. По сути – лишь проводник. Я вот видел в одном мире такую штуку, там люди молнию по прутикам из металла пускают. Она на них работает. И, кстати, никакой магии, все подчиняется законам мироздания, но выглядит волшеб-но.

Они въехали в ворота и направились к особняку, стоявшему на небольшом возвышении. Здание было сделано из того же кирпича, что и стены. Высотой оно было в три этажа, с обжитым чердаком и множеством больших панорамных окон, одно из которых сейчас ремонтировала бригада рабочих. Перед зданием были цветущий сад и спортивная площадка с различными стенками, полосами препятствий и игровым полем. Вдоль дороги стояли кованые фонари и ряды скамеек.

Когда телега подъехала к дверям, их встретил персонал, состоявший из дворецкого во фраке, конюха и двух женщин, видимо, педагогов. Маленькая и слегка полноватая мадам в деловом костюме приветливо улыбалась.

– Рады приветствовать вас, добрые граждане, в нашем Доме сирот, меня зовут Генриетта, я представитель администрации этого Дома, а это миссис Клара и господи Бенингем и Арчибалд. Оставьте свою лошадь мистеру Бенингейму и

позвольте узнать, кого мы имеем честь пригласить в стены нашего учреждения?

– Не желаете ли чего-нибудь испить? – более молодая леди Клара, видимо, стажировалась, держалась немного неуверенно и периодически поглядывала на мисс Генриетту, широко улыбаясь.

Учитель приподнял цилиндр и вальяжно поклонился.

– Доброго вам дня, уважаемые педагоги. Мы представители малой торговой компании «Би, медовые сладости». Меня зовут Уильям де Финт, а это мой друг и коллега Гектрум из Диифа. Мы прибыли к вам по поручению администрации соседней деревни, так как ваш руководитель отправил прошение о специалистах.

Гектор же, стараясь соблюдать хоть какие-то известные ему манеры, поклонился и поздоровался.

– Здрасьте, кхм.

Дворецкий был невозмутим, только пенсне слегка поблескивало на солнце в такт дыханию. А вот педагоги нервно перешептывались некоторое время, и мисс Генриетта расправила веер, снедаемая жарой и духотой.

– Просим вас пройти в покои администрации. Я вынуждена попросить вас представить документацию вашего визита, подтверждающую ваши слова.

Гектор, сохраняя максимальное хладнокровие, повернулся к Учителю, в его взгляде читалась конкретная фраза: «Чего-чего, елки-палки?! ОПЯТЬ?!»

Ми Пато, представившийся Уильямом де Финтом, полез за пазуху плаща, на секунду завис, потом отвис и, некоторое время покопавшись, достал два конверта и свиток.

– Прошу, письмо вашего господина о прощении, также сертификат о регистрации компании с именами учредителей и старших сотрудников, к коим относимся мы с мистером Гектрумом, и справка от совета учредителей о регистрации прощения вашего руководителя и отправлении нас с вышеупомянутым в письме поручением к вам. Все подписи, печати, марки и даты соблюдены регламентом о действительности.

Дворецкий слегка приподнял бровь. В этот момент окно третьего этажа разбилось, а Гектор бросил взгляд на легкую дымку, выходящую из-под плаща Уильяма. Откуда-то послышались ругань и брань бригады рабочих. Господа педагоги проверили все бумаги и пригласили гостей пройти. Гектор шепнул на ухо Учителю:

– Ты обязан мне все рассказать.

– Позже, мой друг, позже.

Входом в здание служили дубовые двери с окнами по периметру, они вели в просторный холл с минимумом мебели. Дворецкий предложил оставить вещи в гардеробе, но гости отказались, сославшись на короткое время нахождения. На противоположной стороне от входа находилась широкая мраморная лестница, устланная пушистыми коврами. Арчибалд, выражая искреннее недоумение, поправил задранный

уголок ковра.

— Здесь у нас приемная, — леди Клара, пытаясь скрасить время в пути, решила познакомить гостей со зданием, — здесь же находятся раздевалки, комнаты персонала и гардеробные. Все коридоры украшены коврами и картинами, а также, в малом количестве, скульптурами. Младшие воспитанники бывают неуклюжи и могут навредить как себе, так и другим, если вдруг уронят что-либо.

Они поднялись на второй этаж. Здесь лестница уходила в коридор со множеством дверей и светильников, между которых стояли книжные шкафы и скамейки.

— Здесь у нас находятся аудитории и комнаты воспитанников. Они проводят здесь много времени за занятиями и отдыхом. Обратите внимание, как здесь спроектирован свет: он предназначен для освещения читальных зон и коридора, но таким образом, чтобы не слепить в темное время суток работников и ребятишек.

Гектор явно был не в своей тарелке, он постоянно бросал взгляды то на окна, то на дворецкого, то на редкие статуи и шкафы. А Ми Пато, изображая восхищение и заинтересованность, периодически соглашался с леди Кларой.

Затем они поднялись на третий этаж. Здесь стены были оклеены белыми монотонными обоями. Пол покрыт бежевой плиткой, а освещение располагалось прямо под потолком. На стенах не было ничего. Лестница уходила в точно такой же коридор, как и на втором этаже.

– А на этом этаже находятся рабочие кабинеты персонала и администрации. Вам дальше по коридору налево. Самая последняя дверь. Там вас ожидает заведующий нашего Дома. Всего хорошего.

Провожатые еще некоторое время улыбались вслед путникам, и когда те подошли к нужной двери и вопросительно обернулись, дружно закивали, за исключением Арчибальда, и быстренько ретировались, включая Арчибальда.

– Ну, может, сейчас поговорим? – Гектор похлопал по плечу Учителя-Уильяма.

– Нет, они все еще наблюдают за нами с лестницы. – Ми Пато постучал по двери тростью и, дождавшись приглашения, открыл дверь.

Кабинет был просторный. Отделка была выполнена из красного дерева с декоративными элементами из белого мрамора – удивительное сочетание контраста и текстур. Потолок словно опирался на мраморные колонны, стоявшие вдоль стен. Освещалось все очаровательными бумажными фонарями между колоннами и сферической люстрой под потолком. В противоположной стороне от входа стоял стол из полированного дуба. В высоком кожаном кресле сидела молодая худощавая персона.

– Прошу, господа, присаживайтесь. – Заведующий, не поднимая взгляда на гостей, пригласил их присесть на маленькие кресла, которые он перенес от стены к столу взмахом письменной ручки. – Всего минуту времени, и я весь ваш.

Гектор как-то скованно присел чуть ли не на самый край кресла, а Уильям вальяжно опрокинулся на кресло и закинул ногу на ногу. Гектор пристально наблюдал за каждым движением заведующего: как тот пишет на пергаменте, как обмакивает перо в чернильницу, как поправляет свои очки. А де Финт оглядывался по сторонам и со скучающим видом играл тростью.

Наконец персона закончила работу с бумагами и подняла взгляд на гостей:

– Приветствую вас, уважаемые гости, в моем учреждении. Я Балл Луанаротти. Чем могу быть полезен?

Гектор сложил руки в замок и нервно подергивал ногой, а де Финт приподнял цилиндр в знак приветствия.

– Доброго вам здравия, сударь. Мы пришли к вам по-вашему же поручению. Чем можем быть полезны?

Балл поправил очки и спросил, сопроводив слова изящным пируэтом кисти.

– А вы те самые специалисты? Фермер и... Кто вы такой? Фигура в кресле подалась вперед:

– Да.

Балл устало вздохнул и стал протирать очки, стреляя глазами то на Учителя, то на Гектора. Наконец он закончил и, откинувшись в кресле, ответил:

– Вы же понимаете, это конфиденциальная информация, господа. Простите, а ваш коллега себя нормально чувствует?

Гектор встал и вышел. А заведующий проводил его зага-

дочной улыбкой. Ми Пато же не сводил глаз с Балла.

– Давно знакомы?

Балл изящно отмахнулся и погрузился в воспоминания.

– Ну... Знаете, как это бывает? Войны тут и сям. Со временем они сливаются в воспоминаниях, но такие персоны, как Гектрум Алый, никогда не предаются забвению. Сложно забыть основной источник подпитки на поле брани. – Балл облизнул верхнюю губу и оскалил правый клык. – Мы с ним встречались лет, я полагаю, сто восемь назад, во время боины на равнинах Гульминштата. Тогда много народу полегло, всех рас и видов.

– О, любопытно. – Учитель перехватил трость и поставил у кресла. – Вампир, заведующий детским домом, – неудивительно, что у тебя бабайки всякие бегают.

– Годы идут, все стареют. Меня заботило новое поколение моего народа, однако я узрел истину. Истину в симбиозе и чудесах эфира. Эти составляющие обеспечат выживание всех и каждого.

– И снова любопытно! То есть, вкусив столько крови стольких народов, ты просто так взял и ушел? Давай выкладывай, а то вдруг мне на тебя заказ выдадут, а я приду и по несправедливости тебя вынесу. Что за симбиоз? Ты пьешь кровь вместо пиваков? Или на животинку перешел?

Балл достал из шкафчика стола пакет с зеленоватой жидкостью.

– Ни то, ни другое. Все куда веселее, – Луанаротти улыб-

нулся на весь свой клыкастый рот, – я стал вегетарианцем!

Из плаща Уильяма вывалился хореk и, катаясь по полу, разразился диким хохотом. Де Финт постарался выйти из неловкой ситуации.

– Прости его, у нас после бюрократических проволочек нервы и психика вообще ни к черту.

– Да ладно, я сам лет пять каждый завтрак смеялся до слез. – Балл вернул пакет на место, а хореk протер глаза, встряхнулся, успокоился и занял свободное кресло. – Немного магии эфира в зелень и ее сок – и хоп, безопасная для всех и не менее питательная, чем кровь, смесь готова.

– Вот как. Что ж, если цветочки-гуманоиды вдруг не покажут тебя киллеру, думаю, врагами мы не будем. А что там про силуэт?

Балл достал из другого шкафчика пару листков.

– Содержание этих листов весьма жуткое на первый взгляд. Педагоги все перепугались, когда увидели это. А мне стало как-то, не знаю, жалко его что ли.

Уильям де Финт принял листы и увидел на них зарисовки и общие портреты воспитанников. Все были дети как дети, но на некоторых листах, преимущественно на общих портретах, мелькал ребенок, одетый в черный плащ.

– Интересно, даже на рисунке он получился немного размытым. Вероятно, художник сам его видел не четко и, судя по контингенту ребятишек, его это не смутило. Я тут даже зубную фею вижу. Уверен, что это не один из твоих воспи-

танников?

– Я лично проверил каждого после того, как мне сообщили, – такого у нас тут нет.

– Хорошо, я займусь этим.

Заведующий сообщил, что большинство детей сейчас на экскурсии в деревнях, ходят по мастерским, а потому странства много и можно не опасаться за свою безопасность, по крайней мере, те, что остались, точно гостей не тронут, у них экзаменационные занятия.

Гектор ждал на скамье у входа, он уже остыл после встречи с Баллом, и они решили об этом не говорить. Первым делом они осмотрели здание, которое оказалось гораздо больше, чем они ожидали. Кабинеты были оснащены по последнему слову магии: лучшие алхимические стойки, богатейшая библиотека, стильный и качественный ремонт – все как надо. В жилых комнатах и столовых обстановка тоже была богато устроена, а в рекреациях стояли поистине шедевры истории и искусства Нидаира. Даже отыскиались реликвии из других миров, но уже изжившие себя.

Осмотр в помещениях ничего не дал. Никаких следов призраков, за исключением двух сестричек на одном из этажей, которые бродили там и хотели пустить Фица на шашлык, однако они были на всех портретах и числились как воспитанники.

Было принято решение осмотреть территорию. Начали прямо с крыльца. Гектор на пару с хорьком в буквальном

смысле вынюхивали хоть какой-то след, а Ми Пато просматривал окрестность через специальные насадки на окулярах, которые отдавали всеми цветами радуги.

Но ничего не обнаружено, никакого следа. Было пусто на всех площадках, в саду, на стадионе, у бассейна, в тире, даже в детской мини-таверне – и то ничего не нашлось.

Последним оставался контактный зоопарк на окраине территории приюта. Перед тем как зайти туда, Фицджеральд прилизал шерстку, втянул живот, зажевал маленький листок мяты и проверил бицепсы.

– Слышь, блохастый, – Гектор протянул ему расческу, – не уверен, что там именно твоего типажа мадамы будут, но это все-таки детское учреждение, так что поправь себе прическу на макушке. Надо писк моды соблюдать и все в этом духе.

Когда они вошли, Фица тут же скрутила какая-то старая анаконда. Под весьма грубую и дерзкую брань хорька Гектор и Учитель решили не мешать ему налаживать личную жизнь. Проходя вдоль вольеров, они встретили множество животных со всего мира. Здесь были как лошади, волы, козы, овцы, так и саламандры, пегасы, химеры и даже парочка мантикор – детеныши, конечно, хотя они уже ростом по плечи Гектору.

В центре зоопарка была зона отдыха с фонтаном, на котором два мраморных дракона, слившись в спираль, выпускали потоки воды.

У этого самого фонтана сидел тот самый силуэт в черном одеянии. Он наблюдал, как вода бурлила в центре фонтана и

медленно успокаивалась к краю. Гектор настороженно оперся на правую ногу, на случай уклонения. Ми Пато же, наоборот, с любопытством переключал окуляры, пытаясь рассмотреть цель на всех планах бытия. И во всех этих планах он видел одну и ту же картину – ребенок наблюдал за водой, сидя у фонтана.

Почувствовав взгляды, малыш обернулся. Его грустные тусклые серые пятна вместо глаз уставились на наблюдателей. Гектор и Ми Пато сделали вид, будто изучают зоопарк. Малец вздохнул и снова принялся изучать фонтан.

– Мне кажется, он не опасен. – Учитель снял все лишнее с окуляров и ткнул локтем Гектора. – Я думаю, что нам будет достаточно с ним просто поговорить.

– Ну вот ты и побалакай с ним, а я пойду нашего ловеласа

отыщу.

Оставшись один на один с малышом, Учитель скрестил руки и встал. Он стоял долго, несколько минут. Из кустов уже собралась толпа зрителей: добрая половина зоопарка, Гектор, верхом на котором сидели обезьянки, и хорек в обнимку с анакондой.

Ми Пато сделал шаг. Снова постоял минуту – малыш никак не реагировал, абсолютно не замечая его. Он сунул руки в карманы, пнул маленький камушек под ногами и, словно рассматривая небо, попытался начать разговор:

– Эх, а какая погодка сегодня чудная, – из кустов раздался звук множества шлепков, взглянув туда, Ми Пато увидел, как вся эта братия дружно держится за свои лбы, даже анаконда хвост приложила. – Кхм. Привет?

Малыш повернулся и посмотрел на него так же трагично, как и в первый раз.

– Тебя как звать, малец?

Малыш ткнул в себя пальцем.

– Муи?

– Муи?

– Муи.

– Муи.

Они тупо уставились друг на друга, чувствуя некоторое недопонимание.

Из кустов снова раздались шлепки.

– Тебя зовут Муи?

– Нита.

– Чего?

– Нита муи. Ма кима ту со вича?

– Чего-чего? – Учитель аж присел, пытаясь пережить мозговой штурм, а малыш приободрился и чуть-чуть подошел к нему.

– Ма кима ту со вича?

– Моя твоя не понимать, малой. – Говоря это, Ми Пато указывал рукой и на себя, и на малыша.

– МА. КИМА ТУ. СО ВИЧА.

– Так, ясно, нужен переводчик. – Учитель вскинул руками и осмотрелся. – Ну ты меня вроде понимаешь, да?

– Ча!

– Так, это прогресс. Тут и по киванию понятно. Шею не сломай. Пойдем сядем. Будем разбираться.

Они сели на скамейку, которая была подальше от толпы зрителей. Судя по всему, зверинец не в первый раз видит этого малыша, и им не менее любопытно, что или кто он. Парочка кустиков перебазировалась со своего края поближе к парочке на скамье.

– Так, давай сначала. – Де Финт сопровождал свою речь бурной жестикуляцией. – Я задам вопрос, ты мне ответишь одним словом, и будем от этого плясать. Хорошо?

– Ча.

– Как тебя зовут?

Малыш, ободрившийся с начала диалога, снова потуск-

нел.

– На нита.

– Я полагаю, ты не знаешь.

– Ча.

Странник, заметив тихий вздох сожаления, повернулся к кустам, пожимая плечами. Кусты дружно замотались в отрицании: мол, тоже не в курсе.

– А у тебя есть родственники или друзья?

– Нита. Ои на нита.

– Нет... Не знаешь... То есть ты не уверен, просто не знаешь. Так. А как ты тут очутился? Стоп! Не так. Ты сам сюда пришел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.